

...ЧТОБЫ НЕ БЫЛО НОВОЙ ВОЙНЫ

«Пятого апреля 1945 года начались бои на подступах к Вене, сразу принявшие ожесточенный характер. В течение девятого — десятого апреля советские войска с боями продвигались к центру города. За каждый квартал, а порой и за отдельный дом разгорались жестокие схватки. 13 апреля советские войска полностью овладели Венной.

Стремительные и самоотверженные действия советских войск не позволили гитлеровцам разрушить один из красивейших городов Европы и спасли жизнь тысячам венцев.

В боях за освобождение австрийского народа от немецкого фашизма погибло 26 тысяч советских воинов».

ДЛЯ МЕНЯ, родившегося после войны, эта цитата, взятая из десятого тома «Истории Великой Отечественной войны», действительно стала историей. Для моего собеседника эти события — часть военной биографии.

Когда семнадцатилетний Салих Сабиров, родившийся в деревушке под Казанью, пришел 22 декабря 1942 года в райвоенкомат и сказал командиру: «Берите, пока война идет», он еще не знал, что ему предстоит пройти по фронтовым дорогам Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Не, знал, что тот же воинский долг интернационалиста задержит его в сердце Европы еще на целых шесть послевоенных лет. Не знал, что из 26 своих односельчан, ушедших на войну, он обвинит после нее только шестерых.

Тогда, в декабре 1942-го,

он был молодым, крепким, здоровым, но воевать не умел. Азам этой науки его учили в Житомирском военно-пехотном училище, эвакуированном в Казань. Затем целый год держали под Москвой в Роменском, в составе резерва Главного командования — опять учили владеть оружием, вести ближний бой, прыгать с парашютом. Наконец, истомившихся по-настоящему делу 19-летних десантников бросили в июне 44-го на форсирование Свири — первый бой!

— Но это был уже не 41-й, — вспоминает Салих Хасанович. — За два часа 40 минут артподготовки лес на противоположном берегу, где дислоцировались немцы, был срезан, точно клевер лезвием косы, начисто! Переправлялись на плотках, рыбацких лодках и — в бой!

— Страшно было!

— А как же! — смеется мой собеседник. — Бой-то первый! Да и не встречал я что-то людей, которым вообще не ведомо чувство страха. Помню все, как в тумане. Племеы трещат, грохочут минометы, рвутся снаряды и мины, режут «катуши»... Сосед бежит — и я бегу, он упал — и я залег, он встал — и я поднялся. Знаете, как-то не думал, что меня могут убить!

Потом на Олонецком направлении его ранило — в плечо и в ногу. Попал в Тихвинский госпиталь, недолечившись, сбежал в свой полк и вместе с ним в декабре 44-го вступил в Румынию. А оттуда — в Венгрию. Освободил город Кечкемет и — бросок в Австрию, на взятие Вены. Дунай форсировали по мостам — сберегли их для венцев.

Шла весна 45-го, но шла и война. И хотя второго мая Берлин капитулировал, именно в этот день полк, в котором прошел всю войну сержант Сабиров, подняли по тревоге. Десять дней советские солдаты преследовали засевшую в Альпах фашистскую группировку.

Уже пестрели стены рейхстага фамилиями воинов-победителей, уже был под-

писан акт о безоговорочной капитуляции «третьего рейха», уже накрывали в России столы для встречи победителей, а они...

А они продолжали воевать. В самые последние дни войны немецкое командование предприняло ряд мер, чтобы заставить солдат упорно сопротивляться, пробиваясь на запад, под крылышко американцев. Отставших расстреливали на месте, раненых добивали. Пулеметчики приковывались цепями к пулеметам. Оставшиеся в живых фашисты катились по склонам, прятались в горных перелесках, огрызаясь оттуда автоматным огнем в сторону советских солдат.

Ленинградец Вадим Лаптев погиб в пяти шагах от Сабирова — ему было 20 лет, столько же, сколько и Салиху. Страх тогда у Сабирова не было: только одна ненависть к врагу.

Странная все-таки штука — воспоминания. Порой до них криком не докричишься, а порой вдруг сами накатывают волной.

Например, было у Сабирова время, когда прошедшая война почти не тревожила его память. Он строил дома и школы, больни-

цы и детсады, растил троих сыновей, водил их в тундру за брусникой и грибами. Любовался камчатскими рассветами — короче, дышал в полную грудь мирной жизнью.

Шли годы. Без боевых тревог отслужили в армии сыновья, неизвестно изменились села и поселки Олиторского района, выстроенные рукой Салиха Сабирова и его товарищей. И как-то незаметно подоспела пора заслуженного отдыха. Как говорится, живи и радуйся.

— Не получается, — разводит сильными руками Салих Хасанович. — Опять стучит внутри проклятая война. Да, мне повезло — я не был искалечен, но мои друзья-однополчане... Из 26, ушедших на фронт, не вернулись 20. А из шести уцелевших один до 1967 года не разговаривал и не помнил ничего. Только через два десятка лет начал узнавать родную сестру, друзей, меня. Вот что такое война!

Что такое война?

Дома я нашел в журнале «Курьер Юнеско» за 1982 год воспоминания очевидца атомной бомбарди-

ровки японского города Нагасаки. Он писал: «Я попытался добраться до медицинской школы в Ураками, находившейся в 500 метрах от эпицентра взрыва. По пути я встретил много людей... Клочья одежды свисали с них вместе с клочьями кожи. Похожие на привидения, они смотрели невидящими глазами. От зданий остались лишь одни железобетонные остовы. Повсюду лежали трупы. Приближаясь к школе, я видел черные обуглившиеся тела, из ломаных конечностей которых торчали белые кости. Некоторые были еще живы... Но все они не прожили и двух недель. Я никогда не смогу забыть выражения их глаз и их голоса».

С. Х. Сабиров не разрушал чужих городов. Он спасал их. И он тоже не может забыть многого — погибших друзей, лица узников Маутхаузена, которых он освобождал, разрушенные города... Не может забыть войну. Не хочет ее забывать, чтобы не было войны новой.

А. КУЧЕР,
наш соб. корр.
Тилички.